

На сцене.

Семь досок стояли полностью исписанные!

Когда вытащили восьмую доску никто не сомневался, что Лу Чжоу завершит доказательство.

Его расчеты и ясное мышление, а также глубокое понимание математических инструментов произвели впечатление на всех сидящих в аудитории.

Никто не думал, что предложения о сложных функциях могут быть такими запутанными.

Понятия комплексной плоскости и дифференцируемых многообразий казались совершенно разными вещами, но все же они были объединены дзета-функцией Римана.

Маркер в руках Лу Чжоу был подобен дирижерской палочке Бетховена, неупорядоченные простые числа оживали, создавая песню для слушателей.

Как и сказал Шольце, казалось, что это что-то из другой вселенной, не принадлежащее этому миру.

Слушатели хотели, чтобы этот доклад никогда не заканчивался.

Они хотели, чтобы Лу Чжоу выступал, пока им не откроются все тайны вселенной...

Молина сидела в толпе, закусив губу и сжав кулаки. Ее глаза переполняло упрямство.

Проблема, которая беспокоила ее в течение многих лет, казалась незначительной для Лу Чжоу. Он даже не останавливался ни на секунду и продолжал писать.

Подобное ощущение бессилия разочаровало ее.

Хотя она не была квалифицирована, чтобы сделать вывод о правильности доказательства, судя по атмосфере в зале, результат очевиден.

В конце концов, чувство просветления очевидно.

Даже она сама верила в правоту Лу Чжоу...

Рядом с Молиной сидела ее бывшая наставница Софи Морель, профессор математики. Софи посмотрела на свою бывшую ученицу и сказала мягким тоном.

— По-моему, вероятность того, что он прав, составляет как минимум восемьдесят процентов... Что ты планируешь делать?

Молина какое-то время молча смотрела вниз.

— Не знаю, может, поеду отдохнуть домой.

Она провела последние десять лет, пытаясь решить эту гипотезу.

Хотя она и не хотела верить в то, что видела, реальность часто оказывалась жестокой.

Она проиграла.

Софи вздохнула и попыталась утешить Молину.

— Тебе не стоит слишком переживать, есть много других проблем, которые стоит решить.

После недолгого молчания, Молина ответила:

— Может быть.

.....

Да.

Доказательство дошло до того момента, когда не осталось никакой интриги.

Когда восьмая доска заполнялась строка, профессор Фальтингс прищурился.

В этот момент...

В его сердце словно открылись врата. Он увидел совершенно новый мир, которого никогда раньше не видел...

Он забыл, когда в последний раз испытывал нечто подобное.

Он просто вспомнил кое-что давнее, когда Гротендик еще не ушел в уединение. Тогда он написал наивное письмо королю алгебраической геометрии...

Рядом с ним сидел профессор Делинь. Делинь придирчиво разглядывал доску, как внезапно спросил:

— Думаешь он смог?

Профессор Фальтингс был застигнут врасплох. Он взял себя в руки и дал сдержанный ответ.

— Уверен на 90%, что да.

Профессор Делинь улыбнулся:

— Когда ты стал таким неуверенным?

Фальтингсу не понравилась шутка старого друга. Он спокойно произнес:

— Это все же гипотеза Римана, поэтому следует быть осторожнее. Кроме того, что ты думаешь?

После недолгого молчания Делинь ответил:

— Я не могу найти контр пример, опровергающий его теорию, точно так же, как я не могу найти нетривиальный ноль вне критической линии... — Профессор Делинь говорил уверенно.
— Я могу только сказать, что его доказательство логически непротиворечиво.

Профессор Фальтингс слегка удивился.

Хотя Фальтингс ничего не сказал, Делинь знал, о чем он думает.

Логическая непротиворечивость, по сути, означала, что доказательство верное...

Люди, сидевшие в другом конце зала, тоже разговаривали.

Когда Фефферман увидел, что Лу Чжоу записывает важную формулу, он повернулся к Тао Теренсу и спросил:

— Ты лучше разбираешься в теории чисел... Что ты думаешь?

В глазах Тао вспыхнуло возбуждение. Однако, прежде чем он успел ответить, мужчина, сидевший неподалеку, встал и взволнованно воскликнул.

— Вот и все!

Мужчина взволнованно постукивал кулаком по бедру, игнорируя недовольные взгляды ученых, сидевших вокруг него.

Это было так, как если бы этот человек был на футбольном матче, а не на математической конференции.

Тао Теренс посмотрел на Феффермана и пожал плечами.

— Похоже... Кто-то ответил на этот вопрос за меня. Что касается моего мнения, то я с ним согласен.

.....

Была написана последняя строка уравнений.

Маркер на доске опустился.

В зале воцарилась мертвая тишина.

Ни единого звука во всем зале.

Лу Чжоу отступил на два шага и взглянул на аккуратно написанное уравнение на доске. Он потратил тридцать секунд наслаждаясь моментом и вспоминая путь, что совершил до этого момента...

Это также дало аудитории возможность переварить информацию.

Лу Чжоу прочистил горло, повернулся к аудитории и заговорил.

— Очевидно, что мы нашли распределение нетривиальных нулей в дзета-функции Римана. То есть все нетривиальные нули дзета-функции Римана на комплексной плоскости $\text{Re}(s) = 1/2$ лежат на прямой. Доказательство завершено. Однако путешествие только началось, и миру еще предстоит найти ответы на множество вопросов.

— Например, аналитическое продолжение ряда Дирихле L , все ли нетривиальные нули функции Дирихле L также расположены на прямой комплексной плоскости $\text{Re}(s)=1/2$? А как насчет автоморфной функции L ? У нас до сих пор нет ответа на эти глубокие вопросы.

— История учит нас, что всякий раз, когда мы решаем проблему, нас ждут две более сложные проблемы.

После небольшой паузы Лу Чжоу сказал:

— Изначально я планировал подождать, пока научное сообщество даст четкую оценку моей работы, прежде чем что-то говорить... Я думаю, что разницы нет.

В зале воцарилась тишина.

Лу Чжоу почувствовал напряжение в аудитории. Он кивнул и заговорил громче.

— Прежде всего, давайте ответим на предыдущий вопрос, что будет дальше с аналитической теорией чисел? Мой ответ таков, эта древняя дисциплина возродится и станет более процветающей, чем когда-либо. Что касается меня, то, возможно, я займусь исследованием L функции Дирихле и обобщенной гипотезы Римана... Или, может быть, я займусь исследованием нетривиальной корреляционной функции с нулевой точкой для дзета-функции Римана. Конечно, лично я предпочитаю более амбициозные вещи.

Лу Чжоу сделал паузу на несколько секунд и оглядел аудиторию. Он впитал атмосферу и глубоко вздохнул.

— А именно, объединение алгебры и геометрии!

Как только Лу Чжоу закончил говорить, аудитория мгновенно вскипела!

Объединение алгебры и геометрии!

Люди сидели шокированные, испытывали сомнения, любопытство, были сбиты с толку...

— Объединить алгебру и геометрию... Боже!

— Это звучит нелепо.

— Академическое сообщество еще даже не вынесло суждение по поводу его доказательства, а он уже такой высокомерный!

— Если кто-то и может это сделать, то только он...

В зале поднялся шум.

Глаза академика Вана расширились. Он не мог поверить, что Лу Чжоу мог предложить что-то настолько безумное.

Молина выглядела потрясенной, объединение алгебры и геометрии, несомненно, более недостижимая гора, чем гипотеза Римана. Она не знала, почему он сделал такое громкое заявление сразу после доказательства гипотезы Римана.

Фальтингс тоже удивился.

Однако его удивило кое-что еще.

Старик уставился на Лу Чжоу и пробормотал сам себе.

— Я не могу в это поверить...

Объединение алгебры и геометрии... Это последнее, чем Фальтингс хотел заняться перед уходом на пенсию.

Он не ожидал, что у Лу Чжоу возникнет та же идея, что и у него.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/26441/4786752>